

Хроника научной жизни

Международная конференция «Трансатлантические связи в европейской и американской литературе»

(СПбГУ, 19–20 июня 2019 года)

Конференция «Трансатлантические связи в европейской и американской литературе», состоявшаяся на факультете свободных искусств и наук (СПбГУ, Санкт-Петербург) 19–20 июня 2019 года, была сосредоточена на проблематике кросс-культурных контактов, межкультурной рецепции и интеллектуальных обменов в географическом ареале Северной Атлантики. Историю трансферов и транзитов идей предполагалось проследить по нескольким магистральным маршрутам: между Лондоном и Нью-Йорком, Парижем и Берлином, Мадридом и Москвой — и в иных комбинациях, которые усложняют сеть литературных связей и создают порядки опосредования в литературном мире. Само возникновение подобной плотной сети литературно-социальных контактов — результат технологического прогресса начала XX века, когда путешествия через океан и рассылка книжной продукции в отдаленные страны стали доступными. Это повлекло за собой возникновение таких феноменов, как массовая миграция представителей богемы, трансатлантические коллаборации в рамках печатных изданий, передвижные выставки. Культурный перенос идей, форм и смыслов — ключевой фактор появления множества новых течений и движений в европейском искусстве. Так, Э. Паунд, Т.С. Элиот, Г. Стайн переносят поэтику модернизма на европейский континент и Британские острова — чтобы затем эхо континентального искусства вернулось назад в США и стимулировало возникновение новых направлений в стране, тогда провинциальной по отношению к европейскому искусству.

В работе конференции приняли участие исследователи из нескольких городов и стран (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Казань, Россия; Нью-Йорк, США; Гент, Нидерланды; Крайстчерч, Новая Зеландия; Турку, Финляндия). Были представлены ведущие российские и зарубежные институции МГУ, СПбГУ, НИУ ВШЭ, КФУ, ЮФУ, ИМЛИ и ИЯз РАН; Туро-колледж, Университет Турку, Университет Амстердама и Университет Гента, Университет Кэнтербери. Доклады отличались широтой тематик: от обсуждения трансатлантических контактов авангарда — до реконструкции диалога между Тургеневым и Токвилем, Германом Мелвиллом и британской литературной традицией; от исследований о визитах иностранных писателей в СССР и Америку (Клод Маккей, Герберт Уэллс, Томас Манн) — до выявления

типологических параллелей между авторами, которые никогда не встречались (Харусман и Кибиров; Каменский и Мариус де Зайас; Эзра Паунд и практики театра но).

Конференцию открыл доклад *Татьяны Венедиктовой* (МГУ) «*Английские холостяки и новоанглийские девицы: опыт культурной антропологии от Германа Мелвилла (1855)*». Исследовательница предложила рассматривать рассказ Германа Мелвилла «Рай для холостяков, ад для девиц» как «пример работы художника с культурным воображаемым», в рамках которой в вымышленном пространстве перекидывается мост между социальным и эстетическим опытом. Показывая, как культурно-географические, гендерные, классовые оппозиции переводятся в плоскость чувственного переживания и осмысляются на уровне прожитого опыта, Венедиктова заключила, что намеченные в рассказе конфликты — между Старым и Новым Светом, между классами «холостяков» и «девиц», между двумя гендерными моделями — не разрешаются в полной мере, предлагая продуктивное напряжение, которое поддерживает особое эстетическое переживание — ощущение собственной автономии в негостеприимно-безразличном мире, усилие поддержания тепла «в холодно-гибельной среде». Примерно так ощущает себя трансатлантический путешественник-медиатор между культурами — и это состояние Мелвилл предвосхищает в середине XIX века, до того, как оно становится общеразделяемым в веке XX-м.

В следующем пленарном докладе, прочитанном *Владимиром Феценко* (ИЯЗ РАН), «*Трансатлантические рейсы англоязычного авангарда: проблема языка*», было рассмотрено понятие авангарда применительно к новаторским англо-американским художественным движениям и практикам в трансатлантическом пространстве культуры между двух мировых войн. Исследователь подчеркнул, что главной отличительной чертой «трансатлантического» авангарда в треугольнике Лондон — Нью-Йорк — Париж стало критическое вопрошание и революционизация языка в разных формах — от формулы «забыть старый язык поэзии» Э. Паунда и имажистов до манифестаций поэтов Language School в 1970-е годы. Именно идея отказа от наличного языка и создание новых языков искусства роднила англичан и американцев с европейским и русским футуризмом. В то же время трансатлантическая поэтика породила особого рода миграцию идей между двумя континентами, выстроив многочисленные «мосты» вавилонского скопления людей, языков и сообществ. Трансатлантический (англоязычный) авангард, который манифестировался в теории и практике литературного эксперимента, был рассмотрен на материале литературных концепций Э. Паунда, У. Льюиса, Г. Стайн, М. Дюшана, Л. Зукофски, Ю. Джоласа.

Продолжая линию размышления о миграции идей и концепций в англо-американском пространстве, *Ян Пробштейн* (Туро-колледж, Нью-Йорк) представил доклад «*Трансатлантическое путешествие Т.С. Элиота*», продемонстрировав, как этот опыт повлиял на формирование его модернистской поэтики. Элиот для Пробштейна в первую очередь поэт, заново открывающий Старый Свет, а затем сквозь призму Старого Света осмысляющий американскую традицию. Антиподом традиционалиста Элиота является Эзра Паунд — американец, повлиявший на европейскую традицию и определивший ход развития американской поэзии. Элиот, напротив, уходит от американской поэзии и становится европейским поэтом.

Евгений Павлов (Университет Кэнтербери, Новая Зеландия) в своем докладе «*Герберт Уэллс и раннесоветские машины времени*» также обратился к опыту вояжа — путешествию британского писателя в Россию. Докладчик сосредоточился на конкретном имажинативном механизме обращения со временем, который фантаст осмыслил, находясь в СССР.

В следующем выступлении *Дмитрий Панченко* (СПбГУ) предложил сменить вектор размышлений на трансатлантические связи в русском литературном пространстве. В своем докладе «*Тургенев, Токвиль и исторические пророчества чело- века в серых очках*» Панченко рассмотрел возможность включения Токвиля в качестве исторического прототипа в некоторые тургеневские тексты.

В иную (географическую) плоскость рассуждение перевела *Ольга Половинкина* (РГГУ) в докладе «*Апроприация классической китайской поэзии в трансатлан- тическом модернистском дискурсе*». Исследовательница прокомментировала амбивалентность англо-американского «трансатлантического» модернизма на ма- териале истории его взаимоотношений с классической китайской поэзией, которая началась с увлечения британских и американских модернистов лекциями Л. Бинь- она и переводами китаиста Г.А. Джайлза. Несколько условно можно разделить этих неофитов на ассоциировавшийся с имажизмом американский круг во главе с Эзрой Паундом и английскую группу «Блумсбери». Так, здесь наблюдается ряд общих установок в восприятии классической китайской поэзии. Во-первых, желание ви- деть в ней новый «образец», «другую Грецию», подразумевающее вестернизацию китайской поэзии, способ ее апроприации западным сознанием. Во-вторых — стремление устанавливать ассоциации с французской поэзией символизма. Раз- личия в восприятии китайской поэзии британскими и американскими модерни- стами были установлены в процессе сопоставления переводов Эзры Паунда с пере- водами принадлежавшего к «Блумсбери» китаиста Артура Уэйли. То, как Уэйли работает со словом и поэтической формой, свидетельствует, что это переводчик модернистской школы, отчасти находившийся под влиянием Паунда. Стремление к точному знанию, которое доминировало в переводах Уэйли, было следствием определенного типа колониальных практик, «воли к истине», по Э. Саиду. У Па- унда китайский превращается в американский вариант адамического языка: прин- ципиально важно не изучать и понимать, но дешифровывать, самому добираться до значений — то есть, изобретая, апроприировать с позиций неокOLONИализма.

Тему «колонизации» несколько в другом аспекте затронула в своем докладе «*“Красное и черное”: Клод Маккей в Советском Союзе (1922 г.)*» *Ольга Панова* (МГУ). В ее выступлении рассматривался трансатлантический вояж афро-амери- канского писателя, поэта и прозаика Клода Маккея и рецепция его творчества в СССР. Докладчица подробно осветила эволюцию мировоззрения Маккея от симпатий к коммунизму до разочарования в проекте нового государства. С этой эволюцией соотнесена и динамика изменений в плане рецепции: образ Маккея в русскоязычной критике меняется с положительного на отрицательный — от ре- волюционного автора до непопучника-интеллекта.

Литературным «вояжам» был посвящен доклад «*Go West, new man: Горький и Уэллс в Новом Свете*» *Любови Бугаевой* (СПбГУ). Исследовательница обрати- лась к концепции «нового человека», которая на рубеже XX века становится одной из доминант научного и художественного поиска. О возможных путях развития че- ловека и человечества в это время размышляют многие, и Соединенные Штаты становятся страной, где часто ищут ответ на этот вопрос. Весной 1906 года в США приезжают Горький и Уэллс, оба движимые желанием найти здесь рецепты совер- шенствования человека и человечества. Горький, по стечению обстоятельств по- селившийся в маленьком местечке под названием Кин в горах Адирондак в штате Нью-Йорк, оказался в самом центре интеллектуальной жизни США. В этом ма- леньком поселке функционировал уникальный «философский лагерь» — Гленмор, где читали лекции ведущие американские ученые и философы, в том числе Джон Дьюи. Кроме того, рядом с Гленмором находилась основанная Престонией Манн Мартин школа Саммербрук, построенная по типу утопических коммун, где, собст-

венно, и жил приглашенный супругами Мартин Горький. Здесь же летом 1906 года проходила конференция социалистов-реформистов, созванная мужем Престони — Джоном Мартином, англичанином, основателем американского общества фабианцев. Таким образом, в США перед Горьким предстали три возможные модели совершенствования человека и человечества. Однако писатель, которому по разным причинам, в том числе и языковым, не удалось найти в американской действительности «инструментальную» философию, критикует Америку, «страну подrostков». Неудавшийся поиск в Америке готовой философской формулы приводит к социальному утопизму повести «Мать» (1906), который позволяет впоследствии встроить ее в ряд произведений социалистического реализма. Тем не менее Дьюи и американская философская мысль станут темами лекций Горького в школе рабочего актива на Капри, в которых он уже не будет относиться к ним критично. Фабианская стратегия, первоначально им отвергнутая, ляжет в основу «Несвоевременных мыслей» (1917—1918) и, объединенная с опытом утопических коммун, определит подход к обучению, за который будет выступать Горький уже после революции 1917 года. Иной подход к концепции «нового человека» был отрефлексирован Гербертом Джорджем Уэллсом, чья первая встреча с Горьким состоялась в том же 1906 году. В начале XX века Уэллс — фабианский социалист, увлекающийся вопросами евгеники — человеческой селекцией и созданием «сверхчеловека». В «Современной утопии» (1905), представившей картину будущего идеального общества, Уэллс обращается к теме биологического моделирования человека и в ходе философско-художественной рефлексии как бы очерчивает границы возможных экспериментов по устройству общества на основе биомоделирования. Евгеническая программа в «Современной утопии» радикальна и прагматически безжалостна. Она предполагает направленную селекцию, деление людей на «высших» и «низших», кастовую структуру общества, правление «высших» («самураев»). Уэллс выстраивает теоретическое обоснование личной свободы человека в обществе, понимая свободу как свободу перемещения, слова, профессионального и религиозного выбора, и рисует счастливое государство, организованное на основах фабианского социализма усилиями партии интеллектуалов — «самураев Утопии». Хотя близкое знакомство с США раскрывает Уэллсу глаза не только на возможности, которые открывает эта страна, но и на проблемы, в «Будущем Америки» (1906) Уэллс все же пишет о США как о мировом лидере и видит в американском президенте Теодоре Рузвельте «символ творческой воли, воплощенной в человеке» («a very symbol of the creative will in man»). Разочарование в Америке и в фабианском социализме наступит позднее. Таким образом, исследовательница, реконструируя контакты Горького и Уэллса, анализирует различия, которые оказала поездка в Соединенные Штаты на их философские и эстетические позиции.

Андрей Рослый (ЮФУ) предложил компаративный этюд в докладе «А.Э. Хаусман и Т. Кибиров: опыт интертекстуального прочтения “На полях ‘A Shropshire Lad’”». Докладчик продемонстрировал, как Т. Кибиров конструирует англоязычный интертекст и выстраивает с ним диалог, пользуясь различными механизмами цитации — от эксплицитных до завуалированных в виде другого тропа. Дневное заседание продолжил доклад Ольги Анцыферовой (СПбГУП) «Шпенглеризм в американском литературном и культурном сознании», в котором были рассмотрены три случая культурного воздействия идей О. Шпенглера на художников и мыслителей США XX века. По мнению исследовательницы, шпенглеровские культурные концепты и мировоззренческие основания, способствовавшие культурному трансферу, оказались наиболее близки таким американским художникам и интеллектуалам, как Ф.С. Фицджеральд, Дж. Керуак и А. Блум. В частности, Фицджеральд называл себя «американским шпенглерянцем», а герои двух его

незаконченных текстов («Филип, граф Тьмы» и «Последний магнат») могут рассматриваться как фаустовский человек в начале и конце исторического цикла. Другой случай влияния Шпенглера обнаруживается в творчестве Дж. Керуака, принадлежащего к поколению битников. Само слово «бит» восходит к английскому переводу «космического ритма», столь важного в картине мира Шпенглера. В своих произведениях Керуак развивал темы, намеченные Шпенглером, а также переосмыслил шпенглеровский концепт «феллаха». Наконец, в шпенглеровскую парадигму вписывается и направленность мысли американского социолога и философа А. Блума, чья роль в интеллектуальной жизни США конца XX века близка тому, чем Шпенглер был для Германии своего времени. Будучи интеллектуальными вождями правого крыла, оба мыслителя стали авторами настоящих бестселлеров, в которых «основополагающий тезис подтверждался внушительным собранием исторических и философских доводов, суть которых была проигнорирована их критиками, и этот главный тезис состоял в том, что современное общество безнадежно заражено интеллектуальным и культурным декадансом» (Д. Росс).

Влияние европейской литературной традиции на американскую разбирала Александра Баженова-Сорокина (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «Карнавал и балаган в романе У. Фолкнера "Свет в августе"». Баженова-Сорокина показала, как фолкнеровский роман «Свет в августе» (1932), повествующий о реалиях американского Юга, на деле содержит в себе пришедшие из европейской литературы сюжетные схемы и лейтмотивы. Роман организован при помощи библейской символики; при этом ощутимо влияние раннесредневековой традиции, а не только античной. Помимо этого, в романе присутствует средневековый мотив балагана в качестве сюжетообразующего элемента, также отсылающий и к викторианской традиции (кукольное представление «Панч и Джуди», отражающее сюжетную линию Лина Гроув — Лукас Бёрч). Подробно разобрав интертекстуальные отсылки к европейской традиции в романе Фолкнера, исследовательница предложила рассматривать роман как пространство между вневременностью мифа (которую также воскрешает карнавал как сюжетообразующий элемент) и скоротечностью пребывания здесь и сейчас.

В следующем докладе, «Фигура американки в пьесе Ноэля Кауарда "Легкое поведение" и в ее кинематографических интерпретациях», Зульфия Зиннатуллина (КФУ) обратилась к мифу о молодой американке, который сформировался в американском кинематографе рубежа XIX—XX веков. К данному образу обращались не только американские авторы, но и европейские, в том числе английские. Для интерпретации конструирования и эволюции мифа исследовательница рассмотрела пьесу английского драматурга Н. Кауарда «Легкое поведение» (1924), которая выстроена на контрасте между традиционными английскими устоями и образом новой американки. Две последующие экранизации пьесы по-разному представляли как базовый конфликт, так и миф об американской женщине. Так, в картине А. Хичкока 1928 года не акцентируется национальная принадлежность главной героини, что сглаживает изначальное противопоставление, существовавшее в пьесе Кауарда. Другая экранизация С. Эллиотта, 2008 года, снова возвращается к базовому конфликту: главная героиня в фильме — символ новизны и современности. Она противопоставлена англичанкам, символизирующим старый мир и традиционные устои, уходящие в прошлое.

В докладе Наталии Харитоновой (НИУ ВШЭ / ИМЛИ РАН) «Поэты в Нью-Йорке: Гарсиа Лорка и Альберти» в компаративном ключе был рассмотрен американский след в творчестве испанских поэтов. Вечернее заседание открыл доклад Андрея Россомахина (ЕУСПб/СПбГУ) «При чем здесь Дюшан? (Еще раз к проблеме названия, авторства, первенства и рецепции знаменитого "Фонтана")».

Реконструируя историю возникновения и рецепции скандального реди-мейда Марселя Дюшана, Россомахин поставил вопрос о том, почему «Фонтан» (1917) возглавил топ-5 важнейших произведений XX века в 2004 году (по результатам опроса пятисот наиболее влиятельных художников, критиков, музейных кураторов, дилеров и галеристов), попытался предложить новую интерпретацию названия работы и затронул аспект возможного соавторства. В докладе была предпринята попытка блиц-обзора фонтановедческой традиции и сопутствующих проблем; при этом было актуализировано первенство Василия Каменского в реальном экспонировании реди-мейда — еще в 1915 году. Особое внимание Андрей Россомахин уделил современной рецепции реди-мейда Дюшана, рассмотрев аспекты апроприации «Фонтана» арт-сообществом.

В докладе *Анны Швец* (МГУ) «*История одной не встречи: трансатлантические параллели между творчеством Мариуса де Зайаса и Василия Каменского*» рассматривалось типологическое сходство между экспериментами русского кубофутуриста и американского художника. Исследовательница сосредоточилась на понятии «формы» и показала, какую интерпретацию это понятие получает в рефлексии Каменского и де Зайаса. Оба авангардиста понимают «форму» не как структуру, которую можно объективировать, но, напротив, как динамический процесс означивания и становления смыслов, не сосредоточенный в конкретных элементах, а существующий в отношениях между ними.

Ольга Соколова (ИЯз РАН) в докладе «*“Атлантический” язык “вертикальной” поэзии Юджина Джоласа*» рассмотрела стратегию создания универсального языка в творчестве французско-американского поэта, эссеиста, переводчика и журналиста Юджина Джоласа, основателя многоязычного литературного журнала «Transition», который издавался с 1927 по 1938 год. Основной целью проекта по созданию нового языка и налаживанию трансатлантических связей было стремление объединить различные направления международного авангарда по обе стороны Атлантики и преодолеть коммуникативные барьеры между представителями разных стран, чтобы предотвратить новую войну. В цикле статей на страницах журнала «Transition» Джолас пишет о «евроамериканском», или «атлантическом» языке будущего как средстве творческого поиска и общения, который направлен на смешивание «всех разговорных языков современной Америки». На основе понятия «вертикального языка» и «вертикальной поэзии» Джолас также вводит понятие «вертигрализма» — проекции «внутренней жизни» ума и «герметического языка» текста. Концептуальным центром его лингвистической теории становится понятие «революции языка», которая, согласно Джоласу, уже свершилась благодаря языкотворческим усилиям Дж. Джойса. «Революция» языка, по Джоласу, реализует двойной исторический смысл понятия: это одновременно и «переворот», нарушение конвенций, и «поворот на новом цикле вращения», возврат к первоначальным стадиям языковой эволюции на новом витке авангардной культуры XX века.

Михаил Ошуков (Университет Турку, Финляндия) в докладе «*Эзра Паунд и традиция театра но*» обратился к менее известным текстам поэта — «драматическим вещам» 1916 года, в которых очевидны следы увлечения японским театром но. Докладчик отметил, что Паунда привлекает несколько литературных техник, используемых в этой драматургической традиции: «интенсификация образа» и «способ организации образов» по принципу «суперпозиции», наложения (то есть выстраивания образов в парадигматическом плане — так, что образ работает не только в конкретном фрагменте текста, но и как «ключ» ко всей пьесе). Ошуков продемонстрировал, как Паунд обращается к конкретным историческим сюжетам (письма Альфреда де Мюссе, легенда о Тристане) и убирает лишние детали, орга-

низует текст согласно принципам театра но — как выяснится потом, именно эти творческие методы лягут в основу поэтических практик Паунда.

Второй день конференции открыл доклад *Андрея Аствацатурова* (СПбГУ) «К проблеме рецепции Ницше в США: случай Генри Миллера», в котором история прочтения американским писателем книг Ницше была рассмотрена в контексте общеамериканского взгляда на фигуру великого философа. Этот взгляд, сформированный прочтениями Дж. Сантаяны, Н. Долсон, П.Э. Мора и др., за редким исключением (Г. Менкен) был предвзятым и негативным. Вместе с тем Ницше оказал серьезное влияние на ряд американских литераторов и интеллектуалов (Э. Гольдман, Дж. Лондон, Ю. О'Нил, Э. Паунд). Что касается Миллера, то он выступает как последовательный ницшеанец, постоянно цитирующий немецкого философа и обсуждающий на страницах своих романов и эссе основные идеи его работ. В романах «Тропик Рака» (1934) и «Тропик Козерога» (1939) Миллер позиционирует себя не как аполлонического художника, стремящегося к созданию ясных, пластических форм, а как художника дионисийского, воссоздающего становление жизни. Персонаж Миллера ассоциирует себя с музыкантом и танцором, обнуляющим свою личность и достигающим ее истока — всеобщей мировой воли.

О культурном трансфере идей из Европы в Америку речь шла в докладе *Дмитрия Хаустова* (независимый исследователь, Москва) «Чума на экспорт. Трансатлантический трансфер идей как образец высокой пародии». В выступлении был освещен «пародийный перенос целостных идейных комплексов» из Европы в США с опорой на синтез нескольких подходов: культурного трансфера М. Эспаня, психоаналитического переноса З. Фрейда и «карты перечитывания» Х. Блума. При помощи этого методологического аппарата докладчик продемонстрировал, как перенос фрейдовского психоанализа и неомарксизма франкфуртской школы привел к пародированию идейных концепций, ровно противоположному восприятию исходных установок.

Ирина Лагутина (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «Американская демократия vs европейский гуманизм: Томас Манн в США в 1938—1952 гг.» рассмотрела опыт трансатлантической эмиграции немецкого писателя и показала, как парадигма гуманизма преломляется в рецепции Манном идеалов демократии. *Антон Калашников* (СПбГУ) в своем докладе «Американская цивилизация и европейский культурный герой в рассказе Дж. Гарднера “Джон Нэппер плывет по Вселенной”» предложил сосредоточиться на фигуре посредника между двумя культурами, европейской и американской. Докладчик обратился к образу героя-искупителя в рассказе Гарднера 1974 года — части архаического мотива жертвоприношения. Герой-искупитель в рассказе американского писателя Гарднера — европеец (ирландец), художник Джон Нэппер, медиатор между европейской и американской цивилизациями. Анализируя персонажей и мотивную структуру рассказа, Калашников пришел к выводу, что «культурный герой Старого Света вписывает американскую цивилизацию (рассказчик и его семья) в некую “великую цепь бытия” культур: Америка преодолевает свое мессианское одиночество, идентифицируясь с другими культурами, и это смирение наделяет Америку витальным потенциалом, дарит ей будущее».

О медиации в другой среде — среде издательских практик — говорила *Елена Пенская* (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «Журнал “Encounter”. Театр теней или теневой медиатеатр». Исследовательница рассмотрела историю литературного журнала «Encounter», печатавшегося с 1953 по 1990 год и учрежденного Конгрессом за свободу культуры. На протяжении без малого четырех десятилетий журнал выступал в качестве ведущего англо-американского интеллектуального и культурологического издания. Команда журнала настойчиво формулировала концепцию

контркультуры интеллектуалов как особой формы оппонирования сложившимся образцам доминировавших политических направлений, как либеральных, так и консервативных. «Encounter» создавался как совместный европейско-американский проект, стимулирующий дебаты. Равноправие американской и европейской сторон, обязательное присутствие американской и европейской точек зрения закладывалось в концепцию, разработанную одним из главных редакторов, Стивеном Спендером. Известный поэт, Спендер считал своим долгом выстраивать программу так, чтобы всеми средствами избежать пропаганды и выйти за рамки тематики, диктуемой холодной войной. Исследовательница обратилась к «двум историям» журнала «Encounter»: официальной и «теневого», вскрывающей локальные связи журнала с ЦРУ, спровоцировавшие ряд медиаскандалов; рассмотрела три периода, связанных с развитием интеллектуального издания, а также подчеркнула, что основным крупным достижением «Encounter» стало создание культа литературы в США и особой интеллектуальной среды.

Денис Иоффе (Университет Амстердама, Нидерланды / Университет Гента, Бельгия) в докладе «*Радикальная абстракция и библейский контекст. От Казимира Малевича и Эль Лисицкого к Роберту Мазервеллу*» вернулся к контекстам европейского авангарда и предпринял попытку описать абстракцию как одну из художественных доминант начала XX века. Опираясь на манифесты дадаистов и русских авангардистов, исследователь пытается интерпретировать метафоры «небесного», «космического» и «всевышнего» как метафоры интернациональной парадигмы радикального абстракционизма. Наконец, помещая абстракцию в контекст трансатлантических взаимосвязей, Иоффе приходит к выводу о том, что американский абстрактный экспрессионизм, продолжающий европейский радикальный модернизм, завершает символический круговорот беспредметного в искусстве Старого и Нового Света.

Лариса Муравьева (СПбГУ) в докладе «*Трансатлантические диалоги Алена Роб-Грийе*» обратилась к сотрудничеству лидера французского нового романа с американскими художниками в 1970—1980-е годы. В эту эпоху экспериментальное творчество Роб-Грийе выходит за рамки собственно текста, ориентируясь на взаимодействие с художественной средой, и именно знакомство с кругом американских живописцев знаменует начало его плодотворных поисков в области новых медиальных сред. С конца 1960-х годов Роб-Грийе становится приглашенным профессором в Штатах и сводит знакомство с американскими абстрактными экспрессионистами и поп-артистами. Одним из самых успешных проектов Роб-Грийе становится книга художника (*livre d'artiste*) «Подозрительные следы на поверхности» («*Les traces suspectes en surface*», 1978), созданная в соавторстве с Р. Раушенбергом. Эксперимент был направлен на выработку уникальных отношений между словом и визуальным образом внутри произведения — отношений, далеких от иллюстративности и формирующих свою собственную медиальность внутри артефакта. Другим случаем диалога с американской живописью становится издание двух каталогов к выставке Дж. Джонса («Мишень», «*La cible*», 1978) и ретроспективе Д. Поллока («Призрачный паук», «*L'araignée fantôme*», 1982), к которым Роб-Грийе написал сопроводительные тексты. В этом проекте также проявилась экспериментальная установка Роб-Грийе на создание особого типа интермедиальности в письме: тексты были «совершенно беспрецедентны, поскольку представляли художественный вымысел, не имеющий ничего общего с интерпретативно-критическими комментариями, обычно предваряющими каталоги выставок»¹ (Б. Стольцфус). Трансатлан-

1 *Stoltzfus B., Johns J. The Target: Alain Robbe-Grillet, Jasper Johns. New Jersey: Fairleigh Dickinson University Press, 2016. P.13.*

тические диалоги Роб-Грийе встраиваются в перспективу отношений французского нового романа и новой американской живописи в 1970-х годах: двух течений, одновременно развивавшихся по обе стороны Атлантики и оказавших значительное влияние на визуально-нарративные практики в последней трети XX века.

Доклад Павла Заруцкого (СПбГУ) «Трансатлантические траектории греческого сюрреализма: случаи Николаса Каласа и Наноса Валаоритиса» был посвящен анализу трансатлантической деятельности двух знаковых греческих авангардистов. Греческий сюрреализм, расцвет которого пришелся на вторую половину 1930-х годов, был первой и единственной вспышкой национального довоенного авангарда, вызвавшей скандал и неприятие широкой читательской аудитории. Николас Калас, первый греческий авангардист, дебютировал сборником стихотворений в 1932 году. Разочарованный холодной реакцией на книгу, поэт перебрался в Париж, где стал активным участником группы французских сюрреалистов и опубликовал в 1938 году сборник эссе «Foyers d'incendie» («Очаги пожара»), встретивший поддержку Андре Бретона. В 1940 году Калас пересек океан в авангарде французского движения и большую часть своей жизни провел в США, став влиятельным арт-критиком и куратором, сыграв заметную роль в трансатлантическом трансфере сюрреализма. Еще большей многогранностью отличалась трансатлантическая деятельность Наноса Валаоритиса. В 1940-е годы поэт стал основным популяризатором новой греческой поэзии в Лондоне. Следующее десятилетие он провел в Париже в качестве участника группы французских сюрреалистов, а в 1960-е годы выступил главным апологетом авангарда у себя на родине. Журнал Валаоритиса «Πάλι» («Вновь») стал первым греческим авангардистским печатным органом, открыто противопоставлявшим себя консервативным тенденциям в модернизме. В 1967 году журнал был закрыт цензурой, и поэт перебрался в США. Одним из ярких эпизодов американской деятельности греческого поэта является его участие в движении «языковой поэзии». Валаоритис не только провел параллели между американской школой и практиковавшими «языкоцентричное письмо» греческими авторами, но также стал посредником между американскими поэтами и идейно близким им французским движением «изменения форм», провозглашенным авторами журнала «Change» и определяемым Валаоритисом как первая стадия «языкоцентризма».

Виктория Верзунова (СПбГУ) в докладе «Финляндия, Великобритания, США: Ансельм Холло как инициатор трансатлантического литературного диалога» обратилась к уникальной деятельности Ансельма Холло как инициатора литературных связей, сыгравших важную роль в построении литературных связей в треугольнике Финляндия — Великобритания — США. На протяжении всего XX века финский авангард, окончательно оформившийся только в 1960-х годах, оставался предельно внутринациональным явлением, которое тем не менее не было поддержано ни большинством самих финских литераторов, ни читательской аудиторией. В конце 1950-х годов Холло навсегда покидает Финляндию и обосновывается в Лондоне. Однако он поддерживает контакты со страной и становится медиатором между своей родиной и остальным, по большей части англоязычным, миром. Именно Холло познакомил Финляндию с бит-литературой: ему принадлежат первые переводы и теоретические публикации, посвященные битникам и их творчеству. В 1966 году Холло перебирается в США, где занимается в основном преподаванием. Среди его учеников оказываются представители различных поэтических школ, в том числе будущие поэты языковой школы, например Боб Перельман. В США Холло активно знакомит англоязычный мир с финской поэзией: книги его переводов появляются в 1990-х. Верзунова подчеркнула, что неординарность Ансельма Холло заключается в том, что в разное время Холло принимал активное

участие в литературном процессе Финляндии, Англии и США. В определенный момент Холло довелось вести работу сразу в трех странах одновременно. Несмотря на свою трансатлантическую сущность, он предпочитал называть себя американским поэтом, хотя это слово он писал с маленькой буквы («american»).

В докладе *Ольги Джумайло (ЮФУ) «Эссеистика Мартина Эмиса об Америке»* речь пошла о взгляде на Америку «со стороны»: рассмотрение получили книга эссе и репортажей Эмиса («Загадка времени», «The Rub of Time», 2017), а также другие тексты писателя об Америке. Докладчица показала, как Эмис конструирует персону повествователя, обладающего трансатлантической перспективой, выступая и как литературный критик (в духе Ливиса и Хитченса), и как эстет (в духе Элиота), и как исследователь (в духе Нортропа Фрая), и как собеседник читателя. К американским темам Эмиса Джумайло отнесла Америку как страну энергии и возможностей, культурных свобод, Америку как показатель падения цивилизации и Америку как страну великих писателей.

В докладе *Дениса Адлерберга (ИМЛИ РАН) «Европейские эпизоды в романе Ханьи Янагихары “Маленькая жизнь”: поэтика, эстетика, роль»* были рассмотрены роль и функции европейского пространства в нью-йоркском тексте Янагихары (романе 2015 года). Автор подчеркивает, что Европа оказывается связана с категорией фантазмического, несбывшегося, желаемого, местом побега в поэтике романа «Маленькая жизнь». Европейские топосы предлагают возможность эскапизма для персонажей текста: они ломают рутинный ход событий и становятся местом, где на краткий срок можно забыть об ужасах прошлого и замкнутости нью-йоркского пространства. Особую роль в конструировании «европейского текста» играют визуальные средства и роль киноштампов в поэтике романа.

Доклад *Ксении Вихровой (СПбГУ) «Реструктуризация телесности в произведениях К. Баркера как писателя-трансатлантика»* был сосредоточен на нескольких произведениях Баркера 1980-х годов (сборник рассказов «Книга крови», 1984, романы «Проклятая игра», 1985, и «Восставший из ада», 1986) — образцах авторского жанра «сплаттерпанк», гибрида литературы ужасов и формульного фильма-хоррора. Исследовательница раскрыла следы как европейской, так и американской традиций в новом жанре, возводя творческий метод Баркера к эстетике Мелвилла, По, Лавкрафта — в его рамках тело понимается как неотделимое от души, что полемично по отношению к европейской философии. Целостному телу, понимание которого сформировалось в европейской гуманистической традиции, Баркер противопоставляет «тело расчлененное, нелинейное, хаотичное», конструируя образ Другого не вне, а внутри тела.

Дмитрий Токарев (НИУ ВШЭ / ИРЛИ РАН / СПбГУ) в докладе «*“Foreign body”*: трансатлантическая челюстно-лицевая поэтика в повести Василия Яновского “Челюсть эмигранта”(1957)» обратился к малоизвестной повести русского писателя-эмигранта, рассказчик которой прибегает к необычной мнемонической технике — он ощупывает языком дырки, оставшиеся во рту от удаленных зубов, — и запускает тем самым механизм воспоминаний, позволяющий ему возродить утраченное прошлое, но не в качестве «вновь данного», как у Пруста, а в качестве нехватки, лакуны, зияния. Визит к стоматологу в Нью-Йорке, с описания которого начинается повествование, порождает целую серию похожих эпизодов. Каждое происшествие не только отсылает к поворотным пунктам жизни героя-беженца, а именно вынужденным перемещениям из России в Константинополь, затем в Тунис, потом во Францию (с пребыванием в Испании во время гражданской войны в качестве интермедцо), Марокко и, наконец, США, но и к его любовным похождениям. Финальная фантазмагорическая сцена повести, в которой персонаж обретает все свои утраченные зубы, а также своих бывших возлюбленных, является

кульминацией этого процесса интроспективного самоанализа, неизбежно возвращающего анализанта в его детство, чуть ли не главным событием которого становится потеря первого зуба. В выступлении данная проблематика была проанализирована в философской, психоаналитической и интертекстуальной перспективе. Было установлено, в частности, что текст Яновского отсылает к «патологической» новелле Э.А. По «Береника» (1835), в которой зубы функционируют похожим образом не как мнемонический знак, напоминающий о референте, а как знак разрушения референта, разрушения, осуществляемого за счет присваивания части его тела (а именно зубов, вырываемых Эгеем у заживо похороненной Береники), которая в момент извлечения (у Яновского удаление зуба метафорически равняется очередному этапу эмиграции) утрачивает связь с целым, становясь тем, что в повести русского писателя называется «foreign body», то есть чужим, «иностраннным» телом, исторгаемым коллективным народным телом.

О типологических параллелях в трансатлантической перспективе речь пошла в докладе Юлии Валиевой (СПбГУ) «Т.С. Элиот — И. Бродский — М. Ерёмин». Исследовательница представила сквозную систему тропов, позволяющую наладить конверсию между поэтическими экспериментами на разных национальных идиолектах. Ольга Карасик (КФУ) в докладе «Филип Рот, Франц Кафка, Николай Гоголь: сюжеты о метаморфозах» в фокус внимания вынесла трансатлантический обмен (Россия — Австро-Венгерская империя — США) тропами и сюжетными ходами. Вступая в интертекстуальный диалог с «Превращением» Кафки (1915) и «Носом» Гоголя (1836), в романе «Грудь» (1976) Филип Рот пародирует сюжет о сюрреалистической метаморфозе, превращая своего героя, профессора литературы, в женскую грудь. Тем самым Рот пародирует и доводит до абсурда уже известную сюжетную схему, заимствуя у Гоголя ирреальную «физиологичность», а у Кафки — «идею о том, что человек остается тем, кто он есть духовно и интеллектуально, даже пережив странную метаморфозу». И гоголевский троп, и кафкианская идея абсурдизированы, превращены в собственную противоположность.

Доклад Михаила Аршинова (СПбГУ) «Религиозно-философские идеи С. Кьеркегора, К. Барта и П. Тиллиха в раннем творчестве Джона Апдайка» был сосредоточен на репрезентации идей европейских мыслителей — Кьеркегора, Барта и Тиллиха — в романах «Кролик, беги» (1960) и «Кентавр» (1963). Автор рассмотрел продуктивные напряжения, сложившиеся между этими идейными концепциями. В случае «Кролика...» речь идет о художественном осмыслении концепции «динамической веры» Тиллиха, в случае «Кентавра» — о конфликте между «кризисно-субъективным подходом Кьеркегора» и идеей Барта «о необходимости достижения реальной духовной связи с ближним как “Я” с “Ты” для преодоления внутренней изоляции и актуализации сущностных потенций человеческой экзистенции».

Ольга Несмелова (КФУ) в докладе «Война, фашизм, холокост — взгляд из XXI века» обратилась к пласту художественно-документальной литературы, который возник после Второй мировой войны как в европейском, так и в американском культурном пространстве. Докладчица рассмотрела возникновение жанра исторического романа на почве реальных свидетельств, обратившись к таким произведениям, как «Замок в лесу» (2007) Н. Мейлера, «Благовоительницы» (2006) Дж. Литтелла, «Приключения Кавалера и Клея» (2001) М. Шейбона. Эти тексты докладчица предложила рассматривать как пример «постмодернистской игры с высокой элитарной литературой и низовой массовой культурой». Подытоживая, исследовательница заключила, что как в европейской, так и в американской литературной традиции «документ, введенный в традиционную структуру художественного произведения, приобретает своего рода эстетический статус и создает особые жанровые дефиниции».

Конференцию «Трансатлантические связи в европейской и американской литературе» можно считать успешной попыткой создания широкой дискуссионной площадки, объединившей специалистов, работающих с концепциями кросс-культурных контактов в интеллектуальном пространстве XX века. Обширная проблематика трансатлантического трансфера и рецепции обусловила широкий спектр вопросов, который позволил привлечь к рассмотрению масштабный исторический и географический ареал литературных и культурных явлений — от трансатлантического вектора греческого сюрреализма до апроприации модернизмом китайской поэзии, от европейских сюжетных схем американского романа до француско-американских художественных коллабораций. Помимо этого, удалось рассмотреть данную проблематику в междисциплинарной перспективе, подводя в качестве методологической базы философскую, историческую, литературоведческую, компаративную, психоаналитическую, киноведческую, театроведческую и журналистскую парадигмы. Дискуссия развивалась в двух плодотворных направлениях. На конференции в равной степени была затронута концептуальная рамка трансатлантического авангарда, позволившая переосмыслить такие явления, как философия трансфера, проблема выработки трансатлантического языка или апроприация культурных явлений. Также была освещена и интеллектуальная история, заставившая обратиться к конкретным, зачастую малоизвестным, примерам трансатлантических связей европейского и американского авангарда XX века. В итоге заявленный в качестве точки отсчета трансатлантический треугольник «Нью-Йорк — Лондон — Париж» заметно трансформировался в трансатлантический многоугольник, покрывший европейское и американское пространство культурного диалога.

Лариса Муравьева, Анна Швец

Международная научная конференция «Гаспаровские чтения — 2020»

(ИВГИ РГГУ, 21–26 сентября 2020 года)

І. СТИХОВЕДЕНИЕ

Доклады стиховедческой секции были посвящены различным аспектам организации стиха в русском языке и языках мира, древних и современных.

Екатерина Новикова (ИЯЗ РАН) в своем докладе «*Акцентуация как эстетический прием в десятисложнике Алкея*» рассказала о случаях, когда сильные места в стихе древнегреческого поэта совпадают со словесным ударением, обычно не игравшем организующей роли в древнегреческом стихе. Новикова показала, что в некоторых случаях совпадение словесного ударения с сильным местом в стихе может использоваться для смыслового выделения отдельных слов.

Александр Петров (ИЯЛИ КарНЦ РАН) в докладе «*Четырехстопный хорей в фольклорных духовных стихах в свете проблемы структурных контаминаций*» рассказал об истории четырехстопного хорей в фольклорном духовном стихе XIX–XX веков. Петров исследовал метрические предпосылки для контаминаций (совмещения двух или нескольких текстов, ранее существовавших отдельно, в од-